

Грезящее тело и воображение идентичности.

Шулепов Евгений Максимович

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: e.shulepov@list.ru

Основные вопросы доклада, которые автор намерен осветить и на которые он попытается ответить, можно сформулировать следующим образом:

- 1) Как возможно существование одновременно и собой, и не собой?
- 2) Что значит быть существом воображающим, "продолжающим свою телесность"?
- 3) Можно ли говорить о "личности" и "Я" после "смерти субъекта", провозглашённой французским постструктурализмом?

Первый вопрос может показаться логически противоречивым и бессмысленным, и он действительно оказывается таковым, если безоговорочно принять посыпки классической философской парадигмы, отождествляющие "Я" с сознанием, а идентичность - с субъектом. Критика этой метафизической антропологии началась с разных позиций: социальной антропологии ("История одной категории человеческого духа: понятие личности" Марселя Мосса), психоанализа (отрицание тождества психического и сознательного) и экзистенциальной философии. Позднее свой вклад в построение новой, неклассической антропологии внесли феноменологи, структуралисты и постструктуралисты, современные теологи (такие как Пауль Тиллих и Карл Барт), социологи. В попытке дать ответ на вопрос, автор обращается к темам, затронутыми Моссом (см. выше) и Юнгом. Критикуя классическое понимание субъекта, Мосс показал и прекрасно исследовал генеалогию техник идентичности от архаичных времён (на примере австралийских и североамериканских племён) до девятнадцатого столетия. Но в самом начале своей работы он как бы вскользь пишет о том, что "не существовало и не существует человека, который так или иначе не ощущал бы свою *единственность* психической жизни", хотя представления о ней могут сильно отличаться в разных обществах. Спустя несколько десятилетий, Карл Юнг задаётся вопросом о том, как соотносятся "Я" и *Самость*, что есть дальше и глубже, по ту сторону нами осознаваемого. Описывая структуру и динамику Самости, Юнг даёт понять, что "Я" вступает в особые пространственные отношения с тем, что составляет субъективность, но при этом переживается как нечто инородное (Тень, Анима и Анимус, различные фигуры воображения). Автор доклада вводит концепцию "паратопии" - пространства воображаемого, которое соседствует с привычным самоосознанием, но которое может быть пережито лишь как нечто инородное. Однако это инородное может быть структурировано не так, как описывал Юнг и его последователи. Более того, эти фигуры воображаемого не являются отчуждёнными (например, ощущение себя ребёнком), и для описания этого особого соседства этих фигур, которые определяют повседневную идентичность и с ней взаимодействуют, автор пользуется словами "*своичуждение*", "*инорек*". Это - исходные пункты авторской аналитики, которая позволяет объяснить одновременность существования собой и не-собой.

Воображение, как отмечал Фёдор Иванович Гиренок, составляет особую проблему для философской антропологии. Оно не может быть сведено к работе центральной нервной системы, хотя оно связано с телом; воображение обрамляет реальность, само становясь реальным, очевидным и делая реальность не монолитной, а многомерной. Для французского феноменолога Мориса Мерло-Понти было ясно, что воображение расширяет телесность, "тянущуюся к Солнцу", позволяет обживать пространство и вещи, делая их чем-то

большим, нежели просто наличное существование. Таким образом, встаёт вопрос о том, каковы границы человеческой телесности (что особенно актуально в пору распространения Интернет-коммуникации), какова роль воображения в структуре "бытия-в-мире". Но воображение может быть опасным, ставящим человеческое существование под вопросом и под угрозой. Немецкий философ и антрополог Дитмар Кампер видел в воображении, с одной стороны, порабощение человека (так, он пишет о "саркофагах Воображаемого", "насилии образа"), а с другой - освободительную силу, способ трансгрессии (о чём писал ещё Антонен Арто). Воображение задаёт особый экзистенциальный парадокс - человек оказывается всегда и больше, и меньше себя самого; сверх себя и в то же время стиснутым в рамках Воображаемого.

В современной европейской философии прочно утвердилось понимание человека как существа множественного, размноженного; достаточно вспомнить творчество Делёза и Лакана. Но стоит ли за этими "soi" некая единичная субъективность? Герменевтика и другие течения, отгалкивающиеся от наследия Мартина Хайдеггера, дают утвердительный ответ. Учитывая критику прежней, классической антропологии, такие авторы, как Левинас и Рикёр задают новое понимание субъективности, определяемой через конечность, интенциональность, "вброшенность-в-мир", а также особый опыт общения, диалога. Можно сказать, что после торжественной "смерти субъекта", объявленной в 1960-70ых годах, наступило "возрождение субъекта". Значит, проект новой антропологии, который мог бы объяснить человека и его субъективность как нечто единичное, нераздробленное, но при этом учитывающую многомерность человеческой идентичности и телесности, возможен.

Источники и литература

- 1) Юнг К. "Aion" / М.: "Рефл-бук 1997.
- 2) Мосс М. "Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии" / М.: "КДУ 2011.
- 3) Гиренок Ф.И. "Абсурд и речь: антропология воображения" / М.: Академический проект, 2012.
- 4) Кампер Д. "Тело. Насилие. Боль." / СПб.: Изд-во Русской христианской академии, 2010.
- 5) Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / СПб.: Ювента; Наука, 1999.
- 6) Арто А. "Театр и его двойник" / М.: Мартис, 1993.
- 7) Левинас Э. "Тотальность и бесконечное" / М.: Modern, 2013.
- 8) Рикёр П. "Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике" / М.: Академический проект, 2008.